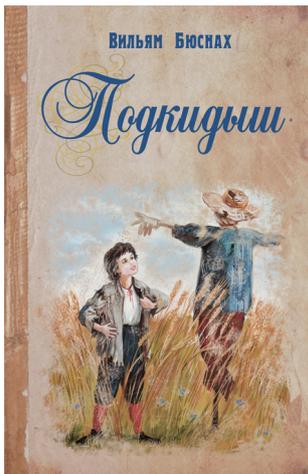

Вильям Бюспах

Подкидыш

Вильям Бюснах Подкидыш

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6358490
Бюснах В. Подкидыш : ЭНАС-КНИГА; Москва; 2011
ISBN 978-5-91921-068-9*

Аннотация

В одном из номеров парижской гостиницы обнаруживают брошенного младенца. Подкидыша отправляют в приют. Когда мальчику исполняется восемь лет, он убегает из казенного заведения и начинает самостоятельную жизнь.

Не желая становиться уличным попрошайкой, главный герой решает жить честным трудом. Упорство в достижении своей цели поможет ему найти не только верных друзей, но и семью...

Содержание

Предисловие от издательства	5
Глава I	6
Глава II	12
Глава III	16
Глава IV	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Вильям Бюснах

Подкидыш

William Busnach

Le Petit Gosse

© Г. Хондкариан. Литобработка, 2011

© А. Власова. Обложка, 2011

© ЗАО «ЭНАС-КНИГА», 2011

Предисловие от издательства

Вильям Бертран Бюснах (1832–1907) – французский драматург. Он родился в Париже и начинал свою деятельность в департаменте таможни. Впоследствии посвятил себя драматургии, его перу принадлежит множество пьес, большинство из которых получили широкую известность.

В 1867 году Бюснах стал руководителем театра Атенеум, где было поставлено несколько его оперетт.

Однако наибольшую известность принесли Бюснаху его блестящие адаптации для театра произведений знаменитых писателей. Так, только благодаря ему в театрах Парижа были поставлены спектакли по романам Эмиля Золя, Жюль Кларети и других классиков французской литературы.

Вильям Бюснах является автором нескольких повестей и романов. Самая известная из них – повесть «Подкидыш». Она была написана в 1889 году, и ее сентиментальный сюжет тронул сердца французов. В 1912 году повесть была переведена на русский язык.

Хозяйка парижской гостиницы обнаруживает в одной из комнат симпатичного младенца. Поскольку родителей мальчика отыскать не удалось, его отправляют в приют. Подкидыш подрастает, и растет его желание покинуть стены казенного заведения. Наконец он совершает побег – и с головой окунается в далеко не простую жизнь, где каждый кусок хлеба нужно заработать.

Но мальчика не пугают трудности, он твердо намерен жить честным трудом. Упорство в достижении своей цели поможет ему найти не только верных друзей, но и семью...

Глава I

Гостиница «Дофинэ»

– Сударыня!

– Что вам, Октавия?

– Восемнадцатый номер заперт на ключ. Там не слышно движения, и изо всех сил кричит ребенок.

– Не может быть!

– Уж поверьте мне! Поднимитесь сами и посмотрите.

Через несколько секунд госпожа Мондетур, хозяйка гостиницы «Дофинэ»¹, взяв с собой связку ключей и зажженную свечу, – потому что в начале декабря в семь часов утра бывает еще темно, – поднималась из конторы на третий этаж. Полуодетая, она поспешно одной рукой застегивала пеньюар, а другой подбирала ключ к восемнадцатому номеру, откуда на самом деле доносился жалобный детский крик.

Когда дверь наконец была отперта и хозяйка со служанкой вошли в комнату, у обеих вырвался восхищенный возглас:

– Ах, какой херувимчик!..

¹ Дофинэ́ (франц. Dauphiné) – область на юго-востоке Франции.

На постели отчаянно барахтался хорошенький ребенок десяти-двенадцати месяцев.

На постели отчаянно барахтался хорошенький ребенок десяти-двенадцати месяцев. Крохотные ножки, выбравшись из пеленок, сбросили одеяло, и малыш ожесточенно болтал ими в воздухе.

– Бедняжка, да он совсем замерз! – воскликнула Октавия, поскорее закутывая в пеленки посиневшие ножки ребенка.

– И, должно быть, умирает от голода! – заметила госпожа Мондетур.

Теперь малыш уже не кричал. Удивленный появлением двух женщин, обрадованный их заботой и лаской, он смело рассматривал хозяйку гостиницы и служанку. Его розовый ротик уже складывался в улыбку, хотя в черных глазках еще блестели слезинки. Чепчик сбился на сторону, и черные вьющиеся волоски совсем закрыли лобик мальчугана. Он был так мил, что госпожа Мондетур и ее служанка не могли оторвать от него глаз.

– Я пойду на кухню за молоком, – проговорила наконец Октавия.

Но госпожа Мондетур негодующим жестом остановила ее на пороге двери.

– Что?! Коровье молоко? Такому маленькому ребенку?!

– Но он хочет есть, сударыня!

– Ну, так что же? Он и будет накормлен, но только настоящим материнским молоком.

Она положила ребенка к себе на колени и, расстегнув пеньюар, приложила младенца к груди. Потом, тихо качивая насытившегося найденыша, снова заговорила:

– Но ведь ребенок не мог попасть сюда сам собой. Кому и когда был сдан этот номер?

– Не знаю, сударыня. Вечером, когда я уходила к себе, эта комната еще не была занята.

Очевидно, Батист позже впустил кого-то.

– Тише, крошка засыпает! – перебила ее хозяйка.

– Его надо опять уложить? – спросила Октавия, поправляя подушки и перину.

– Да, но только не здесь. В комнате ужасно холодно.

– А где же, сударыня?

Госпожа Мондетур на минуту задумалась, потом сказала:

– Он такой славный! Положим его в кроватку Лилины.

– А куда мы денем Лилину, сударыня?

– Ты положишь ее на мою кровать. Она может на час или на два оказать гостеприимство этому маленькому бутузу.

– На час или на два, вы говорите?

– Без сомнения. Я думаю, что особа, которой принадлежит малыш, за это время успеет вернуться.

– Я не уверена, – с сомнением покачала головой Октавия.

– Почему? Объясни!

– Не думаю, чтобы эта особа явилась сюда когда-нибудь. По-моему, этого ребенка бросили. Впрочем, посмотрим, что скажет Батист.

Швейцар быстро явился на зов хозяйки. Его рассказ, казалось, подтверждал мнение служанки. Накануне вечером, очень поздно, когда он уже собирался запирать гостиницу, какая-то женщина, с ребенком на руках, спросила у него комнату. Он провел ее в восемнадцатый номер. Швейцара сильно клонило ко сну, и он забыл подать этой женщине книгу гостиницы, чтобы она вписала в нее свое имя.

– По крайней мере, заплатила она за комнату? – быстро спросила госпожа Мондетур.

– Нет, сударыня. Когда я показал ей номер и спросил вперед три франка, она вынула из кармана несколько золотых и сказала: «Со мною нет мелочи. Я пойду сейчас за чемоданом, который оставила на вокзале, и по дороге разменяю деньги». Потом женщина положила крепко спавшего малютку на кровать и ушла. Я долго прождал ее, но она не вернулась. Тогда я пошел спать.

– Ну, что вы на это скажете?! – воскликнула торжествующая Октавия. – Я сейчас же сообщу обо всем полицейскому комиссару.

– Хорошо, – кивнула хозяйка, – но прежде принеси мне Лилину, ее тоже давно пора кормить.

Октавия повиновалась и скоро вернулась, держа на руках Полину Мондетур, прелестную девочку полутора лет, которую ее мать готова была задушить поцелуями.

Прошло не более четверти часа, и в контору гостиницы «Дофинэ» в сопровождении служанки явились два человека. Это были полицейский комиссар и его секретарь. Госпожа Мондетур почтительно приветствовала их.

Увидев на ее руках двух детей, комиссар обратился к Октавии:

– Как? Два ребенка?! Но вы, кажется, говорили мне только про одного.

– Вторая – моя дочь Полина, – пояснила госпожа Мондетур.

– Или, как мы ее зовем, Лилина, – прибавила служанка.

– Значит, речь идет о другом младенце? – догадался комиссар.

– Совершенно верно...

И госпожа Мондетур представила найденыша господину Гробуа – так звали полицейского комиссара, – который удостоил малыша дружеским шлепком. После этого Октавия положила детей на диванчик, где они оба скоро заснули.

Комиссар начал допрос, обращаясь одновременно к хозяйке и к служанке.

– Прежде всего, милостивые государыни, я должен просить вас не пропускать ни малейшей подробности. Очень часто то, что кажется вам ничтожным, служит для правосудия драгоценным свидетельством.

Обе женщины охотно согласились с этим.

– От этой особы, – продолжал чиновник, указывая на Октавию, – я уже знаю суть дела. Вчера, в четверг, 8 декабря 1865 года, приблизительно около полуночи к вам явилась какая-то женщина с этим ребенком и заняла номер; потом она исчезла. Скажите мне, как она выглядела, сколько ей могло быть лет...

– Я совсем не подумала об этом, – сказала госпожа Мондетур. – Но можно спросить Батиста...

Октавия тотчас же крикнула:

– Батист!

Швейцар явился немедленно. Но так как он плохо понимал вопросы комиссара, то последний должен был объяснять ему каждое слово.

– Эта дама была хорошо одета или принадлежала к рабочему классу?

– Скорее всего она походила на крестьянку.

– Она была высокая или низкая?

– Дайте припомнить... Нет... Она была не низкая, но и не высокая... Она была худенькая, вот и все. Может быть, она только казалась такой, потому что, как вы знаете, господин комиссар, голубой цвет делает фигуру тоньше.

– А!.. Значит, она была одета в голубое?! – радостно воскликнул комиссар, наконец получив хоть одно ценное сведение.

– Подождите, – возразил Батист, – точно ли она была в голубом? Я не могу утверждать этого... Я не очень-то хорошо разбираюсь во всех этих цветах... Бывают зеленые цвета, которые кажутся голубыми... Может быть, она и была в зеленом!..

– Сколько ей можно было дать лет?

– Лет двадцать пять, а может быть, и сорок... Точно не могу определить. Я только заметил, что она говорила с легким акцентом.

– С каким акцентом?

– С южным, господин комиссар.

– Это очень неопределенный признак. Каждый день по железным дорогам в Париж приезжает столько южан!

Господин Гробуа, казалось, находился в замешательстве. Наконец он решился задать Батисту последний вопрос:

– Не слышалось ли в голосе этой женщины волнения, страха или просто смущения?
– На это я совсем не обратил внимания... Дайте мне вспомнить... Кажется, да... Действительно, ее голос показался мне... несколько веселым...

Было очевидно, что Батист был не в состоянии отвечать на вопросы более точно. Поэтому комиссар отпустил его и, пожав плечами, обратился к госпоже Мондетур.

– Эта женщина ничего не оставила в комнате? Никакого пакета, ничего?

– Нет, сударь.

– Тем хуже. Таким образом, единственным указанием для нас может служить только белье и платье ребенка. Сомневаюсь, чтобы это помогло нам установить его личность.

Он подошел ко все еще спавшему ребенку и долго смотрел на него.

– А! – сказал он, поднимая голову. – Мальчик вовсе не из простолюдинов! Рубашонка на нем очень тонкая, да и ручки у него безупречной формы. Без сомнения, это дитя богатых родителей. На нем была именно эта рубашка?

Госпожа Мондетур молча кивнула.

Комиссар помолчал немного, а потом, обращаясь к хозяйке, продолжил:

– А пеленка? Это та самая, в которую он был завернут?

– Нет, сударь, это простынка Полины... А его вещи...

– Я сейчас принесу их... – сказала служанка, выходя из конторы.

Вскоре она вернулась, неся фуфайку, чепчик и платице, составлявшие весь оставшийся гардероб маленького подкидыша.

Отделанные тонкими кружевами, изящно вышитые, казавшиеся почти новыми, вещи ребенка говорили о том, что их владелец принадлежит к зажиточной семье.

– Черт возьми! – воскликнул комиссар, внимательно осмотрев одежду малыша. – Я убежден, что здесь кроется похищение!..

– Похищение?! – воскликнули в один голос Октавия и госпожа Мондетур.

– Ну да! Этот ребенок наверняка похищен, и на нас лежит обязанность вернуть его родным.

– Но где же малыш будет до тех пор? – спросила хозяйка.

– Я должен поместить его в «Дом подкидышей и сирот», это мой долг. Если только...

– Если что? – поинтересовалась госпожа Мондетур.

– Если только вы не попросите меня оставить его у вас. На время я мог бы разрешить вам это, а там, пожалуй, вам и совсем отдали бы его, если мать не явится за ним.

– Такой красавчик! – проговорила госпожа Мондетур, вопросительно глядя на Октавию.

– Сударыня, – сказала та строго, – надо быть благоразумной. Дела гостиницы идут не слишком хорошо. В прошлом году мы едва-едва свели концы с концами, а нынешний год, кажется, будет еще хуже. К тому же вы вдова. У вас и так двое детей: Лилина и Виктор, только что начавший ходить. Было бы безумием связывать себя еще третьим ребенком!..

И, повернувшись к комиссару, она прибавила:

– Разве я не права, господин Гробуа?

– Сама мудрость говорит вашими устами, – отозвался тот. – Итак, я сейчас же распоряжусь, чтобы ребенка отнесли в приют.

– В приют?! Бедный малютка! – воскликнула мать Полины.

– Не пугайтесь! За ним там будут хорошо смотреть. Я велю записать его под именем... Да, день какого святого празднуют сегодня?

– Святого Жильбера, – отвечала госпожа Мондетур, взглянув на стенной календарь, висевший возле ее конторки.

– Жильбер!.. Славное имя! Мальчику повезло!.. – и комиссар обернулся к своему секретарю: – Отнесите Жильбера в «Дом подкидышей»!

Секретарь кивнул. Госпожа Мондетур бросилась к ребенку и долго целовала его, а когда он обвил ее шею ручонками, сказала ему, словно он мог понять ее:

– Не грусти, мой милый... Я буду навещать тебя...

Она передала малыша секретарю, который и удалился с ним. Через несколько минут и комиссар покинул контору гостиницы «Дофинэ».

– Ты была права, не дав мне оставить мальчика у себя, – сказала хозяйка Октавии, когда они остались одни. – Но я... я, может быть, виновата, что послушалась тебя. Бедненький Жильбер!.. Правда, у нас он не был бы богат... но, по крайней мере, здесь его любили бы!.. А там...

– Не беспокойтесь, сударыня!.. Он такой хорошенький, что все его будут любить!..

– Будем надеяться!.. Но... Никогда я так не жалела о том, что небогата!.. – заключила честная женщина, подавляя вздох.

Глава II

Сестра Перпетуя

Вот уже два года в большом доме, расположенном на бульваре Анфер, мимо которого матери всегда проходили с тяжелым сердцем, в мрачном жилище, похожем с виду на казарму или больницу, быстро рос Жильбер.

– Как дурная трава! – всегда говорила сестра Перпетуя, занимавшая место главной воспитательницы младшего отделения.

Это была высокая, сухая старая дева, не чувствовавшая, по-видимому, особенной привязанности к детям, но обладавшая всеми необходимыми качествами для своей службы. Необыкновенно аккуратная, неутомимая и точная, сестра Перпетуя лишь изредка шутила с ребятами, порученными ее попечению. Однако она добросовестно меняла их пеленки, заботливо осматривала рубашки и строго следила за чистотой детских рожков², а также за качеством молока.

Жильбер, которому в это время было около трех лет, сделался предметом особенных забот сестры Перпетуи. Это был настоящий чертенок. При малейшей его шалости худой палец воспитательницы поднимался над его вздернутым носиком, серые глаза становились сердитыми и раздавался гневный голос:

– погоди, вот познакомишься с моей плеткой!..

Несмотря на усиленные розыски, комиссару Гробуа не удалось напасть на след незнакомки, покинувшей ребенка в гостинице «Дофинэ», и о мальчике совсем забыли. Но госпожа Мондетур не забыла о несчастном подкидыше. Она всем сердцем привязалась к этому маленькому существу и сожалела, что не может сделать его приемным братом своей Лилины. Благодаря влиянию комиссара, двери приюта были перед нею раскрыты, и она, как только позволяло время, в сопровождении своей маленькой дочери приходила навещать Жильбера. Завидев мальчика, добрая женщина неизменно встречала его тем же восклицанием, которое вырвалось у нее при первом знакомстве, когда она впервые увидела его барахтающимся на кровати в восемнадцатом номере своей гостиницы:

– Ах, какой херувимчик!..

И это была истинная правда. Даже одетый в жалкую приютскую одежку, мальчик резко выделялся среди других бедных детей своей красотой, полным розовым личиком и пышными черными волосами, со всех сторон выбивавшимися из-под шапочки.

– Он скоро перерастет Лилину, хотя ей идет уже четвертый год, – говорила госпожа Мондетур сестре Перпетуе.

– Дурная трава! Дурная трава! – бормотала та, уводя в положенное время своего воспитанника.

Но скоро Жильбер должен был лишиться этих нежных ласк. С каждым новым посещением госпожа Мондетур, всегда такая радостная и веселая, казалась все более печальной и похудевшей. Обнимая Жильбера и передавая ему лакомства, бедная хозяйка гостиницы заглушала в себе вздох, вспоминая то, что говорила ей Октавия, когда не советовала оставлять подкидыша у себя. В жалком приюте, где он находился, у Жильбера по крайней мере было хотя бы самое необходимое, тогда как Бог знает что ожидало бы его в гостинице «Дофинэ». И слеза, которую мальчик, оторвавшись от сладкого пирожка, осушал поцелуем, скатывалась по щеке госпожи Мондетур.

² Детский рожок – бутылочка с соской для кормления младенцев.

Наконец в одно из воскресений вдова хоть и появилась в свое обычное время, но пришла одна и без шелкового платья и шали. Едва Жильбер очутился в ее объятиях, как женщина разразилась слезами.

В самом деле, неудачи преследовали ее! Дела шли так плохо, что она смогла принести мальчику только два дешевых леденца. Долги увеличивались; кредиторы грозили продать ее имущество, и, чтобы уплатить в срок, она была вынуждена заложить все вещи, имевшие хоть малейшую ценность – в том числе и шелковое платье и шали, которыми очень гордилась.

Госпожа Мондетур облегчала душу, рассказывая мальчику о своих горестях и печалях. Глядя в большие глаза Жильбера, устремленные на нее, бедная женщина представляла себе, что он понимает ее, разделяет ее заботы. Действительно, не увидев Лилину, ребенок догадался, что у его добрых друзей горе. И, поднеся ко рту одну из конфеток, принесенных госпожой Мондетур, он медленно протянул ей другую:

– Для Лилины... Я хочу!..

Эта фраза заставила женщину невольно рассмеяться. Она нежно обняла его и сказала:

– Хорошо, голубчик, это для Лилины, потому что ты так хочешь. Но мы вернемся и принесем тебе много конфет!..

Больше она не приходила...

Гостиница «Дофинэ» была продана очень дешево. Госпоже Мондетур пришлось перебраться к одной старой родственнице, жившей в провинции, и у нее не хватило мужества прийти в приют, чтобы последний раз поцеловать бедного Жильбера, которого теперь покидала и она.

Под суровым присмотром сестры Перпетуи мальчик кое-как дорос до пяти лет. Тогда он вышел из-под надзора «сестры Плетки», как он прозвал ее, хотя несмотря на угрозы ремень грозной плетки ни разу не коснулся его.

Теперь у Жильбера была кровать в том дортуаре³, которым она не заведовала. Он учился в классе сестры Жеральдины, высокой блондинки с попорченным оспой лицом, заставлявшей своих учеников учить нараспев: «Б и А – БА; Б и Е – БЕ; Б и И – БИ. БА, БЕ, БИ».

Иногда под этот ритмичный шум сестра Жеральдина начинала дремать. Тогда ребята предавались веселью. Начинаясь бешеный хохот, стрельба бумажными шариками, и сестра поневоле просыпалась.

– Тихе, дети! – кричала она, открывая глаза.

И большая черная линейка яростно стучала по пюпитру. Не поднимая глаз, сестра Жеральдина неизменно прибавляла:

– Я уверена, что всему виной Жильбер!..

Чаще всего она не ошибалась. Виновный, пойманный на месте преступления, не имел даже времени слезть со стола, на котором он плясал, топал ногами и выделял разные штуки, рискуя сломать себе шею.

Ах, этот Жильбер! Если шум переходил в драку, он был в самом центре свалки, красный, растрепанный, награждающий своих противников градом ударов. Сестра Перпетуя, когда ей рассказывали о его проделках, грубо хватала мальчика, выгоняла его в коридор и начинала бранить.

– Негодный мальчишка! – говорила она ему. – Ведь ты уже большой! Уверю тебя, что если ты не справишься, то познакомишься вот с этим!

И показывала ему плетку, висевшую у ее пояса, которая раньше так сильно пугала его. Но теперь Жильбер, хотя и казался с виду очень испуганным, внутренне забавлялся, прекрасно зная, что грозное оружие никогда не будет пущено в ход.

³ *Дортуар* – общая спальня в воспитательных заведениях.

Однако как ни добра была сестра Перпетуя, в конце концов Жильбер поднял против себя целую бурю негодования, которая разразилась в одно из воскресений после обеда. Мальчик уписывал за обе щеки тонкий ломтик хлеба, когда сестра Плетка, сидевшая в саду на скамейке, сделала ему знак, чтобы он подошел к ней. Жильбер прекрасно знал причину ее сильного раздражения, и поэтому, исполняя ее приказание, он приподнял плечо и локоть, делая вид, что защищает себя от удара.

Перпетуя, дрожа от гнева, строгим тоном начала:

– Сударь...

Удивленный таким вступлением, Жильбер изумленно посмотрел на монахиню. Он не ожидал услышать строгое вежливое обращение вместо тех бранных слов, которыми она имела обыкновение осыпать его. В первый раз мальчик почувствовал, как его сердце забилося от страха. А сестра, обрадованная действием своей новой тактики, продолжала тем же тоном:

– Сестра Жеральдина только что говорила мне о вас. Вы – заводила в классе. Скоро год, как вы перешли к ней. Сначала она считала вас очень способным, так как вы выучили все буквы за очень короткое время. Но какие успехи вы сделали с тех пор? Ведь нельзя же считать ими ваши шалости! А вы только и умеете, что шалить. Ах, да!.. Вы умеете еще вырезать из бумаги кукол и прикреплять их к потолку хлебными шариками. Такой большой мальчик, как вы! Стыдно!..

Она остановилась. Жильбер хотел воспользоваться этим, чтобы приготовить ответ. Но монахиня продолжила все тем же строгим тоном:

– В конце концов, вас пересадили на скамью лентяев. Лентяй, упрямец, заносчивый, вспыльчивый, вы похожи на осла. А так как я не люблю ослов, то и не стану больше заниматься вами. Начиная с сегодняшнего дня я не буду обращать на вас никакого внимания, словно вы совсем не существуете.

С этими словами сестра Перпетуя встала и ушла в классы.

Полный удивления, Жильбер продолжал стоять посреди дорожки. Этот неожиданный разрыв с монахиней заставил сжаться его сердце. Ему захотелось плакать. Несмотря на суровость сестры Плетки, мальчик чувствовал к ней любовь, которую испытывает всякий ребенок к тому, кто заботится о нем. Он понимал, или скорее догадывался, что вспыльчивость Перпетуи была лишь доказательством ее заботы о нем. И так-то он платит за ее сердечное отношение!

«Что же скажет сестра Перпетуя?» – думал он всякий раз после какой-нибудь шалости. Сестра Жеральдина в классе, сестра Фелицата в спальне, сестра Теодорина в рекреационном⁴ зале – все они могли безнаказанно награждать его ударами линейки: он только смеялся над этим. Проказник в сто раз больше боялся нахмуренных бровей сестры Перпетуи.

Обескураженный Жильбер продолжал стоять на одном месте. Но вдруг лукавая улыбка озарила его лицо. Он пошел по саду, направляясь к одному мальчику, постарше его, который был занят собиранием желтых листьев под большим платаном.

– Жан Миньо! – сказал он.

– Чего тебе?

Это был худой белокурый мальчик, слишком большой для своего возраста. Он радостно вскрикнул, увидев, что Жильбер, не говоря ни слова, протягивает ему оставшийся от завтрака кусок хлеба с маслом, и с жадностью принялся его есть. Тощий и хилый, Жан был постоянно голоден, за обедом маленькие порции не могли насытить его, и Жильбер нередко лишал себя куска хлеба ради товарища.

– А еще у тебя нет? – спросил Миньо.

⁴ Рекреация – перемена, время отдыха.

– Ни крошки. Но если хочешь, я всегда буду отдавать тебе свой хлеб от завтрака.

– Конечно, хочу!

– На одном условии...

– Говори скорее! Чего ты хочешь?

– Ты мне одолжишь азбуку... Я свою изорвал. А еще ты будешь говорить мне все, о чем я ни спрошу...

– Хорошо, – тут же согласился вечно голодный мальчик.

Прошло две недели. За это время Жильбер, сильно изменившийся, не заслужил ни одного наказания. В классе он целыми часами не поднимал головы от азбуки, во время перемен он не расставался с Миньо и вместе с ним рисовал на песке буквы заостренными палочками. При встречах с сестрой Перпетуей он преувеличенно почтительно раскланивался с ней, делая это с таким вызывающим видом, что в душе доброй монахини закипал гнев.

– Извольте видеть, он не хочет покориться! – восклицала она в разговорах с другими сестрами, но по-прежнему делала вид, что не замечает Жильбера.

Но однажды в саду, когда мальчик чуть не толкнул ее, задорно отвешивая свой поклон, она не выдержала:

– Жильбер!

Этот крик вырвался у нее почти невольно. Огонек торжества зажегся в глазах Жильбера, и сестра Перпетуя поняла его игру. «Ах, негодник!» – подумала она.

Своим поведением мальчик твердо решил заставить ее вернуться к своей угрозе «заняться» им когда-нибудь. Но, к счастью, монахиня вовремя заметила это. Нет, чего бы это ей ни стоило, она не изменит своего решения! И холодным, равнодушным тоном она сказала:

– Я забыла у себя на столе молитвенник... Принесите мне его.

Холодное обращение на «вы» не погасило радости Жильбера. Он ушел и через несколько минут вернулся с книгой в руках, которую и подал сестре Перпетуе.

Монахиня раскрыла ее. Между страницами лежал листок с несколькими строчками, написанными криво, нетвердой рукой, однако, довольно разборчиво: «Сестра Перпетуя, я не осел. И я вас очень люблю».

– Вот шалун! – не могла не воскликнуть смягченная монахиня.

И пока Жильбер заливался счастливым, радостным смехом, сестра Перпетуя трепала его за ухо, но так ласково, так нежно!.. И в маленьких глазах старой девы, за ее большими круглыми очками, сверкали капли едва сдерживаемых слез. Потом, посмотрев еще раз на письмо, она заботливо уложила бумажку между страницами молитвенника и крепко поцеловала мальчугана.

Прекрасное время наступило для Жильбера после примирения с сестрой Перпетуей. Но, как видно, самой судьбой было предназначено этому бедному ребенку лишаться тех, кто его любил.

Скоро сестра Перпетуя объявила своему любимцу о том, что покидает приют. Ее назначили смотрительницей такого же приюта в Мюльгаузе. Это было неожиданное повышение, и она не могла от него отказаться.

Жильбер горько заплакал, узнав об этом. Монахиня была взволнована не меньше его.

– Будь благоразумен, дитя мое! – повторяла она. – Верь и надейся на Бога! Он не оставит тебя. Я каждый день буду молиться за тебя!..

И на другой день сестра Перпетуя отправилась в путь, оставив бедного мальчика в большом горе.

Глава III

Мама

В конце 1871 года Жильберу исполнилось восемь лет. В это время Франция вела войну с Пруссией, и Париж был осажден. Грохот неприятельских орудий доносился и до воспитанников «Дома подкидышей и сирот», впрочем, они еще не понимали всей силы несчастья, постигшего их родину.

Жильбер развивался как умственно, так и физически. Теперь он был переведен в старшую группу, которую сестра Фелицата в первый четверг каждого месяца водила на прогулку, если позволяла погода.

Почти всегда сестра посещала с детьми Люксембургский сад⁵. Всякий раз, встречаясь с группой других детей и слыша их радостные крики, Жильбер испытывал невыразимую тоску.

О, это не была зависть! Его грусть рождалась не оттого, что его бедный форменный костюм был хуже нарядной одежды других детей. Вовсе нет! Его горло сжималось от слез, когда он видел изящных, разодетых женщин, – они с такой любовью следили за малютками, которые играли перед ними в песке или прыгали через веревочку.

– Жанна, мой ангел, не прыгай больше, отдохни!

– Хорошо, мама.

– Жак, ты слишком разгорелся, мой мальчик!

– Нет, мама!

Разгоряченные жизнерадостные мальчики и девочки окружали своих матерей, те нежно бранили их, приглаживали пальцами их волосы, вытирали влажные лобики и целовали.

Другие дети, поменьше, взбирались на колени матерей, смеялись, спорили, просили, чтобы их покачали. И во всех концах большого сада, возле музея, вблизи оранжерей, у подножия белых статуй продолжались те же игры, те же споры, те же нежности, и везде и всюду слышалось одно и то же слово, произносимое то со слезами, то со смехом: «Мама!»

В конце концов это слово стало приводить Жильбера в бешенство, заставляя его сжимать кулаки. Почему ни у него, ни у его товарищей не было, как у других детей, мамы? Напрасно каждый вечер сестра Фелицата говорила им, указывая на большой образ Богородицы в дортуаре: «Вот ваша общая мать». Он не хотел «мамы» с картины! Он желал и призывал в мечтах такую мать, которая обнимала бы его своими руками, утешала и целовала, защищая от всего мира.

Кроме этого, у мальчика были и другие огорчения, причиной которых всегда бывали прогулки. Почему при встречах с прохожими все смотрели на них с жалостью, смешанной иногда с каким-то презрением? Мальчишки, игравшие на тротуарах, бросали свои мячи и лопатки, чтобы посмотреть на них и крикнуть им вслед что-нибудь обидное, оскорбительное.

Это не было презрение богатых детей к плохо одетым оборванцам. Напротив – обижавшие их часто сами были в лохмотьях. Почему же они так относились к детям из приюта?

Правда, гуляя со своими товарищами, он часто слышал, как про него говорили: «А вот этот мил!»

Но это совсем не утешало мальчика, а только усиливало его печаль. Для чего ему красивые глаза, свежие щеки, открытое лицо, если никогда ни одна мать не будет гордиться им?

⁵ Люксембургский сад – огромный парк в центре Парижа, популярное место для проведения досуга.

И все-таки Жильбер постоянно мечтал о матери. Ночью в большом дортуаре, при слабом освещении ночника он безмолвно плакал и, закутавшись в свое одеяло, звал почти с отчаянием: «Мама! Мама!» – словно по его призыву могла вдруг как в сказке появиться мать и перенести его в совсем другую жизнь.

Его горе увеличилось еще более, когда он подружился с Адрианом Брюно.

Адриан, годом моложе Жильбера, был не подкидышем, а сиротой. Он знал свою мать, его поместили в приют, когда она умерла.

– Да... умерла в больнице... – рассказывал Адриан, – от какой-то болезни... Я не помню теперь, хотя слышал, как говорил доктор... Болезнь сделала ее такой бледной, худой...

Сделавшись товарищем Жильбера, новый воспитанник приюта часто рассказывал ему про те заботы и ласки, какими окружала его мама:

– Слушай... я спал в ее комнате... близко от нее... в маленькой кроватке, с белыми занавесками, которые она каждый вечер задергивала... А утром я вылезал из нее, забирался в постель к маме и поднимал такую возню, что она ничего не могла поделать... Потом я говорил, что голоден, и мама приносила мне чашку шоколада с такой вкусной, румяной булочкой. Потом она поднимала меня с постели, мыла, одевала и все время покрывала поцелуями, играла со мной, смеялась, щекотала!..

В голосе Адриана была такая любовь, что Жильбер невольно завидовал ему. А Адриан продолжал:

– Мама была цветочницей и всегда брала меня с собой в магазин, куда мы относили груды ландышей, фиалок и гиацинтов. А когда мы проходили мимо Тюильри⁶, она водила меня в балаган, где клоун боролся с кошкой!.. По воскресеньям мы гуляли с ней по Елисейским полям⁷... Когда я останавливался перед каруселью, она сажала меня на деревянную лошадку. А вечерами мы возвращались домой, она осторожно раздевала меня, укладывала к себе на колени и целовала, целовала...

Жильбер слушал, затаив дыхание.

– Но осенью мама сильно простудилась, стала кашлять, а вскоре совсем слегла. Лежа в постели, она подолгу смотрела на меня, и крупные слезы катились по ее бледному лицу. И все держала, держала меня за руку... Наконец однажды ее увезли... Меня взяла к себе соседка. Каждый четверг и воскресенье мы ходили навещать маму в больницу... А потом... потом... Ах, мама, мама!..

Тут слова заглушались рыданиями, к которым примешивался и плач Жильбера. Эти рассказы делали его еще печальнее, почти раздражали его... Досаднее всего для него было то, что он совсем не понимал некоторых выражений Адриана, тех детских, наивных слов, которые знают только матери и которым сестра Перпетуя не могла научить его, поскольку и сама их не знала.

Ни дружба, ни утешения Жильбера не могли уменьшить горя Адриана, который скоро заболел, попал в лазарет, а потом был отправлен в деревню.

И Жильбер снова остался один. Впрочем, теперь он был не совсем одинок. Он нашел себе если не нового друга, то, по крайней мере, товарища, красноречивого и интересного. Этим товарищем стала книга – красивая, большая, в красном переплете, с золотым обрезом, множеством картинок, содержащая чудесную историю Бертрана дю Геклена⁸. Книгу подарил Жильберу инспектор в награду за успехи в учебе.

⁶ *Тюильри* – дворец Парижа, одна из резиденций французских королей.

⁷ *Елисейские поля* – самая знаменитая улица Парижа.

⁸ *Бертран дю Геклен* (1320–1380) – крупнейший французский полководец времен Столетней войны между Англией и Францией, длившейся примерно с 1337 по 1453 год.

Все время Жильбер был первым в классе, он умел не только читать и писать, но знал также четыре правила арифметики, правописание и первые начала грамматики. Кроме этого, он был силен в географии и хорошо знал хронологию древней французской истории. Но больше всего его интересовали приключения доблестного дю Геклена!

Жильбер нашел себе если не нового друга, то товарища, красноречивого и интересного; этим товарищем стала книга.

Мальчик с неизменным интересом читал и перечитывал рассказы о бурном детстве своего героя, о его непокорном нраве, о его успехах на первых турнирах, куда отважный бретонец являлся смешно одетым и плохо вооруженным.

Каждая прочитанная страница рисовала в живом воображении Жильбера новые сцены; их наполняли топот коней, звон оружия, громкие победные крики.

В самой пленительной для мальчика, самой захватывающей истории Бертран, запертый своим отцом в башне, выпиливал решетку окна и по простыням, связанным вместе, рискуя своей жизнью, спускался вниз...

Жильбер тоже чувствовал страстное желание очутиться на свободе. Идти, куда глаза глядят, делать, что захочется, – об этом можно только мечтать! Каждый раз, возвращаясь с прогулки, мальчик слышал, как за ним запирались двери приюта, – и ему казалось, что он заточен в тюрьму. Во дворе и даже в саду «Дома для подкидышей и сирот», окруженных высокими серыми стенами, он задыхался.

Особенно невыносимо ему было слышать крики играющих детей, которые доносились с соседних улиц. Мальчик сжимал кулаки при мысли о том, что он сам и его товарищи не имели права на подобное поведение. Они не могли себе позволить ни крикнуть, ни сказать свободного слова. Им постоянно приказывали молчать – не только в классе, но и в столовой, в спальне, в бельевой... Везде! Для открытой и впечатлительной натуры Жильбера эта жестокая дисциплина и постоянные ограничения, эта невозможность сделать лишний шаг или движение были невыносимы.

Другие воспитанники приюта спокойно принимали эти правила и легко подчинялись им. Но Жильбер мечтал о другом! Быть свободным, ни от кого не зависеть, только от самого себя!.. Эта мысль постоянно преследовала его, особенно после того, как он прочитал историю дю Геклена. Во дворе приюта, вместо того чтобы играть с другими детьми, он все чаще стоял в стороне, напряженно обдумывая план бегства.

Правду сказать, побег не представлял большой трудности, можно было легко изобрести несколько способов. Проще всего было сделать это во время прогулки и до ночи скрываться в кустах Люксембургского сада. Жильбер даже присмотрел несколько уголков, где его было бы нелегко отыскать. Но ведь потом все равно придется покинуть свое убежище! И тогда форменная одежда приюта привлечет к беглецу всеобщее внимание. Первый же городской, какой-нибудь лавочник, наконец, любой прохожий догадается, что перед ним беглец, – и отведет его к начальнице. Мало того что он понесет суровое наказание, ему потом еще долго не удастся повторить попытку побега.

Кроме того, главным недостатком всех подобных планов была, по мнению Жильбера, их необычайная простота. Ему же был нужен побег смелый, полный опасностей, – словом, в духе дю Геклена. Ах, если бы он мог сделать что-то похожее! Но, к сожалению, его простыни, связанные вместе, давали всего только два метра длины, а дортуар был расположен на четвертом этаже. Кроме того, большинство окон приюта выходило на внутренний двор.

Напрасно Жильбер ломал голову, чтобы придумать какой-нибудь дерзкий, геройский побег... Он не мог придумать ничего... ровным счетом ничего...

Глава IV

Елена Нозаль

В то время как Жильбер ломал себе голову, стараясь найти способ бежать, его мать – самая та мать, по которой он так часто плакал и которую иногда даже обвинял, – энергично разыскивала своего ребенка.

Это была очень печальная история...

Жильбер, или, вернее, Жорж, названный так при крещении, родился в замке д'Апуэньи. Его мать, Елена Нозаль, дочь графа д'Апуэньи, вышла замуж за молодого ученого Раймонда Нозаля. Они были женаты около двух лет, когда ее муж был послан с научной целью в Африку. Их сыну не было еще и года, когда в замок пришло известие об опасной болезни Нозаля, находившегося в это время в Алжире. Несчастная женщина, не говоря ничего отцу, решила немедленно ехать к мужу – естественно, взяв с собой маленького Жоржа.

Когда они добрались до Алжира, Нозаль уже умер. Известие о смерти любимого мужа так подействовало на несчастную женщину, что она помешалась от горя. Но помешательство ее было тихим и незаметным, так что никто не подумал остановить Елену, когда она отправилась в обратный путь. Прибыв в Марсель, она не поехала дальше в Макон, как ей было нужно, а села на парижский поезд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.